

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ МЯГКОЙ СИЛЫ В ПЕРИОД 2013-2017 ГГ.

В статье рассматривается специфический для российской мягкосило-вой практики «острый» характер, который она приобрела после 2013 года, проводится анализ инструментов ее реализации, и осуществляется сравнение информационного наполнения, вектора и каналов трансляции российской мягкой силы с таковыми у Китая. На основании проведенного анализа делается вывод о сходстве методов и задач в российской и китайской мягкосиловой практике, однако отмечается, что более конвенциональный характер китайской мягкой силы снижает ее токсичность для локальных акторов и тем самым повышает ее эффективность и привлекательность.

Ключевые слова: *мягкая сила, острая сила, позиционирование, Россия, Китай.*

При исследовании российской мягкой силы и классификации российского подхода к ее реализации, а также анализе возможных вариаций в таком подходе, интерес представляет схожая практика других стран. Самым ярким примером таковой является Китай, который разделяет с Россией многие идеологические позиции, артикулирует их посредством схожих с ней стратегических нарративов, так же вовлечен в противостояние с либеральным Западом и полагается на острую силу в информационном противостоянии с либеральной гегемонией.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [2; 3; 5; 6; 9; 10; 11; 14; 15; 16].

Однако проблему исследовательской парадигмы «мягкой силы» нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Для понимания того, какая специфика характерна для российской мягкосиловой практики, следует отметить то, как понимает концепцию мягкой

силы президент Владимир Путин. В 2012 году занимавший на тот момент пост премьер-министра Путин охарактеризовал это понятие в достаточно отрицательном ключе, связав его с «прямым вмешательством во внутреннюю политику суверенных стран» [13]. Согласно формулировке Путина, «Мягкая сила – это комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия» [13]. В июле 2012 года, через два месяца после своей президентской инаугурации, Владимир Путин провел встречу с российскими послами и постоянными представителями в международных организациях, на которой он заявил, что «мягкая сила – это продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и в духовной культуре и интеллектуальной сфере» [12]. Эксперт РСМД Алексей Долинский сравнивает определение Путина с определением Джозефа Нае, отмечая, что разница между ними далеко не ограничивается стилистической: если Най отмечает в качестве ключевого элемента понятия привлекательность, Путин фокусируется на рычагах влияния [4].

Исходя из определения Путина, можно понять, что для России мягкая сила направлена не на создание привлекательного имиджа (как в американском подходе), а скорее на информационную манипуляцию. С точки зрения российского истеблишмента, Россия привлекательна для Запада только тогда, когда она выглядит слабой, как в 1990-е годы – стоит же ей окрепнуть, как ее образ теряет положительные коннотации и делается пугающим. В рамках такой логики борьба за чистый имидж оказывается заведомо проигрышной, и остается только использовать иной, асимметричный подход к информационному воздействию.

Соответствующие такой трактовке практические тренды в реализации Россией своей мягкой силы наблюдались еще до того, как вышли на первый план после 2013 года. В докладе Центра стратегических и международных исследований (CSIS) за 2011 год отмечается, что, несмотря на сходство с концепцией, разработанной Джоозефом Наем, «развивающийся внешнеполитический подход России, особенно в отношении стран Балтии и СНГ со значительными русскоязычными меньшинствами, представляет собой скорее гибридную смесь классических форм мягкой силы и пропаганды в советском стиле, что закрепляется российской политикой в отношении соотечественников за рубежом» [25]. Эту гибридную комбинацию исследователи CSIS назвали «мягкой пропагандой».

Окончательно же эти тренды оформились после 2013 и особенно 2014 годов, породив в конце концов концепцию «острой силы». «Острая сила» – понятие, впервые введенное в докладе Национального фонда в поддержку демократии, опубликованном в декабре 2017 года [42]. Оно означает способность влиять на других в своих интересах не посредством собственной

привлекательности, как в случае мягкой силы, а за счет информационных диверсий и манипулирования. Проявления острой силы часто включают попытки правительства увеличить свое влияние посредством подкупа, принуждения или манипуляций, а также меры по контролю мирового дискурса на чувствительные темы – как правило посредством непрозрачных и сомнительных с точки зрения закона (а то и напрямую противозаконных) средств. Острая сила часто используется тайно, в отличие от публичной дипломатии, которая проводится открытыми, прозрачными и законными способами. Однако в реальном мире зачастую затруднительно отличить подобные операции от публичной дипломатии и острую силу от мягкой силы, поскольку обе используют одни и те же активы, такие как средства массовой информации, культуру, диаспоры, а также ценностные дискурсы и нарративы. Они различаются в основном тем, как именно эти активы оказываются реализованы.

В 2017 году бывший начальник российского Генштаба (в период 2004-2008 гг.) Юрий Балуевский заявил, что победа в информационной войне «может быть намного важнее, чем победа в классическом военном противостоянии, так как она бескровна, а эффект поразительный, обескровливающий и парализующий все органы власти государства-противника» [7]. Это хорошо характеризует то, как именно российский истеблишмент оценивает мягкую силу, ее функции и место в общем геополитическом контексте.

В своей нынешней информационной политике Россия опирается на сочетание гибридных мер, которые направлены не столько на то, чтобы нравиться западному мейнстриму, сколько на то, чтобы рассматриваться Западом как в качестве равного игрока. Российский подход фокусируется преимущественно на безопасности и продвижении стратегических интересов государства, и использует мягкую силу утилитарно, зачастую применяя дестабилизирующие тактики и сочетая стандартные каналы открытого мягкосилового воздействия с элементами информационной войны в киберпространстве. За это ряд западных исследователей охарактеризовал Россию как «государство-спойлер» [20]. Хотя степень российского воздействия на президентские выборы в США в 2016 остается под вопросом, сам факт этого скандала в сочетании с противоречивым характером последовавшей за ним внешней политики Дональда Трампа имел для России информационную ценность, поскольку подрывал имидж либеральных демократий и выявил слабые стороны Соединенных Штатов как мировой державы.

Платформой для реализации инновационного «острого» подхода к информационному воздействию для России стали цифровые технологии. Россия активно наращивает свои возможности в области цифровых медиа-технологий, и ее государственные институты, поначалу медлительные, уже куда быстрее реагируют на изменения в глобальных медиа-ландшафтах. Министерство иностранных дел России придумало свой собственный термин – «инновационная дипломатия», которую оно артикулирует в каче-

стве «инструмента российской внешней политики для оказания влияния на общественное мнение с помощью ИКТ». Сам Путин призвал российских дипломатов использовать цифровые медиа-технологии на нескольких платформах, в том числе в социальных сетях, для объяснения внешней политики России миру [34].

Российские власти активно инвестируют в расширение возможностей социальных сетей в структуре RT. Кроме того, они занимаются развитием сетевых структур, помогающих проводить организованные информационные кампании в киберпространстве, наращивают IT-экспертизу и смещают стратегию кибер-воздействия в сторону хакерских атак и шпионажа [42].

В западной экспертной среде растет количество публикаций (например, «Переосмысление России в глобальном медиапространстве» [32] Манчестерского университета), посвященных внутреннему устройству и логике российской мягкой силы в киберпространстве. Например, в статье, озаглавленной «Россия атакует западные демократии» [27], исследователи из Борнмутского университета собрали свидетельства СМИ о российских кибератаках и стратегическом вмешательстве во внутреннюю политику ряда других стран: среди перечисленных целей – Германия, Франция, Чехия, Великобритания, Финляндия, Греция, Польша, Эстония, Украина, Грузия, Молдова, Венгрия, Австрия, Черногория, Болгария и, наконец, Соединенные Штаты. О вмешательстве в избирательные кампании сообщалось в Германии, Франции, Болгарии и Соединенных Штатах – часто оно осуществляется в поддержку определенных политических партий, рассматриваемых остальным политическим спектром в качестве маргинальных. По данным Европейского совета по международным отношениям, такие партии склонны занимать пророссийские внешнеполитические позиции [26]. Одним из примеров политических партийных механизмов такой политики является «Альтернатива для Германии» в Германии. Хотя глубина отношений между Россией и поддерживаемыми ею европейскими партиями различна, их объединяет общая черта – как правило, их деятельность оказывает поляризующее влияние на политику в Европе.

Поддержка политических аутсайдеров и антилиберальных сил России в рамках остросилового подхода неслучайна. Острая сила развивается в контексте глобальной тенденции к усилению идентичностной политики, которая наиболее явно проявляется во всплеске националистического популизма. По мере того, как либеральные демократии демонстрируют явные признаки институционального упадка, авторитарные популисты в западных странах начинают предлагать им альтернативы, и за счет этого превращаются для авторитарных государств в естественных союзников против либеральной гегемонии.

По мнению западного экспертного сообщества, в своих информационных кампаниях Россия активно использует блоги, ботов и организованный

троллинг в сочетании с фейковыми новостями, чтобы нанести ущерб позициям западного либерального истеблишмента [29]. Россия пользуется цифровыми медиа для продвижения своей перспективы по вопросам социально-экономического развития, культуры и военных конфликтов, сочетая открытые внешнеполитические заявления и информационную активность с теневой цифровой деятельностью в киберпространстве в рамках общего гибридного подхода.

Согласно докладу аналитического центра Chatham House, «российские информационные кампании продемонстрировали тесную координацию между различными каналами коммуникаций и транслируемыми ими нарративами, а также впечатляющий спектр альтернативных средств для охвата всех секторов целевой аудитории» [24]. RT, Sputnik, Russia Direct и другие компании синхронно адаптировали свои информационные потоки в рамках общих оперативных задач. В свете кибератак на Белый дом, атаки на серверы Демократической партии и публикации WikiLeaks 20000 украденных электронных писем в преддверии съезда Демократической партии западные наблюдатели пришли к выводу о том, что осуществлявшая эти атаки хакерская группировка APT28 (известная также как Fancy Bear) действовала под патронажем российских властей [36]. По мнению западных исследователей, такие акции демонстрируют то, как Россия одновременно централизует контроль над официальными каналами мягкосилового воздействия, и вместе с этим децентрализует свои тактические информационные операции.

В российских информационных кампаниях часто размываются границы между реальной журналистикой и теневыми разведывательными операциями – они сочетают похищение информации хакерами, ее публикацию через третьи лица, такие как CDLeaks.com и WikiLeaks [39], а также распространение этой информации в рамках российских нарративов через RT и Sputnik [41].

Еще одной характерной чертой российских информационных кампаний является активное использование компромата. Особенно значительную роль он сыграл в ходе президентской избирательной кампании в США в 2016 году, когда взлом серверов Национального комитета Демократической партии вкупе со склонностью избирателей Трампа к теориям заговоров привел к взрывному распространению российского информационного контента, направленного против кандидата в президенты США от Демократической партии Хиллари Клинтон.

Таким образом, характеризуя особенности подхода России к практической реализации своих информационных кампаний после 2013 года, можно отметить, что наряду с изменением в их идеологическом наполнении произошло также изменение в спектре используемых инструментов воздействия – поскольку сами кампании обрели более конфронтационный характер по мере их артикуляции в парадигме информационной войны, они были

подкреплены обширным спектром действий, направленных на дестабилизацию политического равновесия в западных странах. Особенный интерес представляет систематический формат российских информационных кампаний и способность России организовывать эффективное взаимодействие между открытыми и теневыми каналами воздействия.

Разочарование в мягкой силе как самостоятельном внешнеполитическом инструменте привело к «обострению» российского подхода к информационному воздействию, и более активному использованию жестких и теневых средств влияния. Хотя первоначально такая гибридизация привела к некоторым успехам в мобилизации и укреплении лояльных России политических движений в западных странах, вкупе с подрывом позиций либерального истеблишмента, в долгосрочной перспективе она сделала публичное выражение пророссийских позиций токсичным, а также спровоцировала куда более жесткое противодействие российскому информационному влиянию.

Подобного эффекта в значительной мере избежал Китай – другая страна, отличающаяся нетрадиционным отношением к реализации мягкой силы. Как и Россия, Китай активно спонсирует развитие в западных странах альтернативных источников информации, предоставляющих аудитории более благоприятную для КПК перспективу по актуальным политическим вопросам, а также пользуется локальными прокси для давления на оппонентов.

В стратегических нарративах Китая, особенно в период правления Си Цзиньпина, можно выделить два ключевых элемента: представление о «Китайской мечте» и традиционные китайские ценности с акцентом на конфуцианстве [23]. Преодолев «столетие унижения», которому Китай подвергли западные и японские империалисты, и пройдя после этого «столетний марафон», Китай намерен вернуть себе «законное место» в качестве Поднебесной (или Срединной) империи. К 2050 году, когда Китай достигнет двух столетних целей – статуса «среднезажиточного общества» к 2021 году (столетнему юбилею Коммунистической партии Китая), и статуса «полностью развитого государства» к 2049 году (столетию Китайской Народной Республики) – Китай также достигнет статуса великой державы в качестве мирового лидера, тем самым осуществив мечту о «великом омоложении китайской нации». В своем рабочем докладе на 19-м Национальном съезде КПК, состоявшемся в октябре 2017 года, Си заявил, что, хотя Мао добился независимости Китая от колониализма, и Дэн Сяопин добился экономического процветания, именно он снова сделает Китай сильным в новую эру [31].

В то же время, КПК делает акцент и на традиционных конфуцианских ценностях. В своем выступлении на международной конференции, посвященной 2565-летию со дня рождения Конфуция, Си Цзиньпин подчеркнул, что именно китайская традиционная культура, представленная конфуцианством, стала ценностным фундаментом для укрепления социаль-

ной солидарности и национальной идентичности [35]. КПК рассматривает восстановление традиционных ценностей как обязательное условие для сохранения тех «основных социалистических ценностей», которые удерживают китайский народ от заражения западной либеральной идеологией. Глобальное господство Китая оправдывается традиционным понятием Тянься («все под небесами»), в котором миром правит китайский император, а Китай распространяет гармонию через свою культуру, язык и ценности, порядок ценится превыше свободы, этика – превыше закона, а власть элит – превыше демократии и прав человека [22].

Между Пекином и Москвой наблюдается определенная нормативная общность – они разделяют схожие взгляды на текущую геополитическую ситуацию, и общие представления о необходимости перехода от западоцентричного мирового порядка к многополярной системе международных отношений, в которой альтернативные центры силы будут координировать свои силы в противовес западной гегемонии [33]. Эта общность сближает две страны, что отражается не только в укреплении их взаимных связей, но и в их схожем применении острой силы.

Принадлежащие Китаю международные СМИ распространяют официальные нарративы КПК, противодействуют «предвзятому» описанию Китая Западом и создают положительный образ Китая в мировом информационном пространстве. С этой целью, наряду с собственным международным вещанием, государственные медиа-компании Китая предоставляют бесплатные новостные материалы и другие программы локальным медиа-компаниям и участвуют в совместном с ними производстве контента, техническом сотрудничестве и обмене журналистами. Эти программы обмена и сотрудничества выступают в качестве важного средства для укрепления позитивного имиджа Китая в их репортажах и вещании. Китай также нанимает компании «прикрытия» в качестве прокси для своих нарративов. Согласно расследованию агентства Reuters, по состоянию на 2015 год китайский государственный вещатель China Radio International (CRI) имеет долю в акциях по меньшей мере 33 локальных медиа-компаний в 14 странах, с тремя местными партнерами в качестве промежуточных обладателей [21]. 60 процентов этих компаний принадлежат расположенной в Пекине консалтинговой компании Guoguang Century Media, которая, в свою очередь, принадлежит дочерней компании CRI. Три партнера покупают местные медиа-компании или арендуют у них эфирное время. Эти медиа-компании транслируют позитивное восприятие Китая, вещая на английском, китайском и локальных языках.

Еще одним важным активом для китайской острой силы являются зарубежные диаспоры. Некоторое время назад Пекин обратил свое внимание на 60-миллионную китайскую диаспору, увидев в ней одновременно потенциальных агентов и аудиторию для своей внешней политики. Отдел Единого фронта КПК вместе с Управлением по делам китайцев за рубежом

отвечал за связанные с диаспорами вопросы на правительственном уровне [17; 18]. Отдел Единого фронта рассматривает китайцев за рубежом в качестве важной опоры не только для продвижения и реализации политики Пекина, такой как инициатива «Пояс и путь», но и для противодействия антикитайской деятельности зарубежных оппонентов, например, правозащитников и либеральных активистов, а также тибетских сепаратистов и сторонников независимости Тайваня. Ассоциации китайской диаспоры часто организуют контрдемонстрации против митингов Фалуньгун и протибетских групп. Подчеркивая значимость «патриотического воспитания», Министерство образования Китая объявило в 2016 году руководящие принципы по систематизации взаимодействия между материковым Китаем, китайскими студентами за рубежом и иностранными миссиями. В Соединенных Штатах насчитывается почти 150 ассоциаций китайских студентов и ученых, которые все активнее выступают против тех выступлений, лекций и других мероприятий в кампусе и за его пределами, которые задевают критические для Китая темы [17; 18].

Правильное освещение действий официального Пекина зарубежными СМИ на китайском языке является важной частью долгосрочной стратегии Пекина по созданию во всем мире благоприятного информационного фона для повестки КПК. Стремясь наладить тесные связи с зарубежными китайскими СМИ, Пекин с 2001 года проводит Всемирный китайский медиафорум и создал Всемирный альянс сотрудничества СМИ на китайском языке на Форуме 2009 года для развития коллективных коммуникаций. Зарубежные китайские СМИ зачастую отражают повестку подвергнутых жесткой цензуре государственных СМИ Китая, и избегают деликатных политических тем, которые могли бы оскорбить Пекин [19].

Культурные ценности – традиционный источник мягкой силы – также используются и в острой силе. Культурное наступление Китая заметно в быстром распространении Институтов Конфуция по всему миру с момента их запуска в 2004 году. В настоящее время существует более 500 Институтов Конфуция и 1000 классов Конфуция, которые не только продвигают китайский язык и культуру за рубежом, но и осуществляют программы академического обмена, предоставляя гранты и стипендии для иностранных ученых. Институты Конфуция также представляют «официальную версию Китая» в любых спорных для КПК вопросах, и их учебная программа избегает «чувствительных» тем – таких как Тибет, Синьцзян, Тайвань, Далай-лама, Тяньаньмэнь, Фалуньгун и права человека в Китае. Поскольку Ханбан (Управление Международного Совета по китайскому языку) при Министерстве образования Китая уполномочено утверждать ежегодные бюджетные проекты местных органов власти, местные партнерские учреждения и эксперты находятся под скрытым давлением самоцензуры, опасаясь прерывания финансовых потоков из Пекина и возможных вредных последствий для личной профессиональной карьеры [37].

Пекин также оказывает прямое и косвенное политическое давление на ту деятельность, которая задевает интересы Китая, одновременно пытаясь воспользоваться местными лидерами общественного мнения для продвижения своих взглядов и позиций по ключевым вопросам. При взаимодействии с локальными силами зачастую используются экономические стимулы, а живущих за рубежом китайцев поощряют к активному участию в местной политике. Китайские бизнесмены, имеющие явные и неявные связи с КПК или другими государственными органами, часто участвуют в сотрудничестве с местными политиками и академическими институтами посредством политических и финансовых пожертвований [28].

Россия придерживается в большей мере негативного подхода, поскольку в своих информационных кампаниях фокусируется на подрыве доверия к политическим и экономическим институтам страны-цели и усилении внутренней напряженности и разногласий в местном обществе, предлагая себя в качестве антипода для современных западных ценностей. Например, информация, которую раскрыл Facebook в 2017 году, свидетельствует, что российские источники потратили тысячи долларов на рекламу по противоречивым социальным и политическим темам, начиная от вопросов ЛГБТ, расовых отношений, иммиграционных вопросов и заканчивая правом на владение оружием [40].

Китайская острая сила, напротив, больше сфокусирована на легитимации внутреннего правления КПК и контроле за обсуждением чувствительных вопросов за рубежом, а предлагаемая Китаем ценностная альтернатива более самостоятельна (в меньшей степени черпая свою идентичность в противостоянии с Западом). Когда Си Цзиньпин заявил на 19-м Национальном партийном съезде, что «социалистическая система с китайскими характеристиками» станет новым выбором для тех развивающихся стран, которые одновременно стремятся к экономическому развитию и независимости, он фактически предложил в качестве альтернативы либерализму китайскую модель развития и управления, ориентированную на партию и государство [31]. Усиление авторитаризма внутри страны, и особенно концентрация власти в КПК и в руках Си Цзиньпина, просачивается в международную сферу, выражаясь в агрессивном использовании острой силы. Си фактически устранил границу между внутренней и внешней политикой. Теперь, когда страна экспортирует свои политические ценности и нормы, модель управления Китаем занимает центральное место и в ее внешней политике тоже. Обсуждение деликатных вопросов для КПК вопросов воспринимается как серьезный вызов суверенной целостности Китая, который должны быть сдержан любой ценой как внутри страны, так и за рубежом. Пекин неустанно стремится подорвать любые противодействующие КПК силы как внутри страны, так и за рубежом.

Сравнивая российскую и китайскую мягкую силу, можно отметить сходство в ее центральных нарративах – как Россия, так и Китай позиционируют

себя в качестве государств, чья культура дает им право на обширную сферу влияния, а консервативный авторитаризм ставит их морально выше разлагающегося либерального Запада.

Сходство есть и в методах, которыми Россия и Китай продвигают свои стратегические нарративы. Для этого они сочетают открытое присутствие в виде официальных каналов со скрытым – они тайно спонсируют локальные политические силы, посредством которых оказывают давление на местный истеблишмент, чтобы подтолкнуть в нужном направлении его действия в международном пространстве.

Однако есть между ними и заметная разница – российский подход «острее» и больше полагается на откровенно конфронтационные действия, такие как взломы и публикация компромата во время выборов, которые воспринимаются западными странами в качестве «грязных». Китай, напротив, действует более конвенционально – хотя в его действиях тоже достаточно теневых составляющих, прежде всего в том, как он скрывает свое присутствие посредством активного использования прокси, эти действия тем не менее воспринимаются в существенно менее провокационном ключе.

Это означает, что Китай провоцирует меньше информационного противодействия, и контакты с ним не так токсичны, как в случае России – а значит, КПК проще находить внешних акторов, согласных транслировать ее повестку и перспективу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Балувевский: Победа в информационной войне важнее, чем в классической // РИА Новости. 22 февраля 2017 г. // <https://ria.ru/20170222/1488611839.html>.

2. Винченцо Лигорио. China's Digital Soft-Power in the Post-Soviet Space: a threat to Russia's Regional Predominance/Китайская (цифровая) мягкая сила на постсоветском пространстве: угроза региональному превосходству России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 7 (76).

3. Гаджиев К.С. О грамшианских корнях идеи «мягкой силы» // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 8 (72).

4. Долинский А. Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России? Российский совет по международным делам. 12 сентября 2012 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna/>.

5. Евсюков А.А. Новый инструмент «мягкой силы» России для контроля за деятельностью мировых ТНК // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 11 (75).

6. Кольхалов М.И. Подходы России и Швейцарии к использованию «мягкой силы», участие субнациональных регионов в реализации данной концепции // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 10 (74).

7. *Меньшиков П.* Актуальные аспекты информационного обеспечения российской внешней политики, медиапространство многополярного мира. 2017.

8. *Меньшиков П.* Коммуникация как управленческая функция современного государства // *Право и управление. XXI век.* 2017. № 3 (44).

9. *На Чжао.* Роль «мягкой силы» в становлении КНР как глобального лидера // *Вопросы политологии.* 2021. Т. 11. № 7 (71).

10. *Осташова Я.В.* Инструменты мягкой силы высшего образования России в контексте сотрудничества с Казахстаном // *Вопросы политологии.* 2022. Т. 12. № 1 (77).

11. *Плиев С.М., Кулумбегова Л.Т., Санакоев И.Б., Смолик Н.Г.* Мягкая сила как новая система реализации внешнеполитических интересов // *Вопросы национальных и федеративных отношений.* 2021. Т. 11. № 10 (79).

12. *Пономарева Е.* Железная хватка «мягкой силы». МГИМО. 14 мая 2013 г. // <https://mgimo.ru/about/news/experts/238257/>.

13. *Путин В.* Россия и Меняющийся Мир. Единая Россия. 27 февраля 2012 // https://er.ru/activity/news/putin-rossiya-i-menyayushijsya-mir_76109.

14. *Сюн Лэпин.* Языковое образование как инструмент «мягкой силы» Китая и России // *Вопросы политологии.* 2022. Т. 12. № 3 (79).

15. *Цзюнь С., Цюжунь Ц.* «Мягкая сила» Китая в Центральной Азии в 2010-2020 гг. // *Вопросы национальных и федеративных отношений.* 2021. Т. 11. № 12 (81).

16. *Юйхань.* Мягкая сила в политике КНР в азиатско-тихоокеанском регионе // *Вопросы политологии.* 2021. Т. 11. № 5 (69).

17. *Allen-Ebrahimian B.* Chinese Government Gave Money to Georgetown Chinese Student Group // *Foreign Policy.* 14 February 2018 // <https://foreignpolicy.com/2018/02/14/exclusive-chinese-government-gave-money-to-georgetown-chinese-student-group-washington-china-communist-party-influence/>.

18. *Allen-Ebrahimian B.* China's Long Arm Reaches into American Campuses // *Foreign Policy.* 7 March 2018 // <https://foreignpolicy.com/2018/03/07/chinas-long-arm-reaches-into-american-campuses-chinese-students-scholars-association-university-communist-party/>.

19. *Allen-Ebrahimaian B.* “Beijing Builds Its Influence in the American Media” // *Foreign Policy.* December 21, 2017.

20. *Beaulieu B., Keil S.* Russia as Spoiler: Projecting Division in Transatlantic Societies // *Alliance for Securing Democracy.* 2018. No 23 // <https://securingdemocracy.gmfus.org/wp-content/uploads/2018/06/Russia-as-Spoiler.pdf>.

21. Beijing's Covert Radio Network Airs China-friendly News across Washington, and the World // *Reuters Investigates.* 2 November 2015 // <https://www.reuters.com/investigates/special-report/china-radio/>.

22. *Callahan W.* Chinese Visions of World Order: Post-hegemonic or A New Hegemony? // *International Studies Review.* 2008. No. 10.

23. *Chai W., Chai M.* The Meaning of Xi Jinping's Chinese Dream // American Journal of Chinese Studies. 2013. Vol. 20. No. 2.

24. *Chatham House.* Russia's New Tools for Confronting the West: Continuity and Innovation in Moscow's Exercise of Power. London: Royal Institute of International Affairs, 2016.

25. *Conley H.A., Gerber T.P.* Russian Soft Power in the 21st Century // Center for Strategic and International Studies. 6 September 2011 // <https://www.csis.org/analysis/russian-soft-power-21st-century>.

26. *Dennison S., Pardijs D.* The World According to Europe's Insurgent Parties: Putin, Migration and People Power, European Council on Foreign Relations. 27 June 2016 // https://ecfr.eu/publication/the_world_according_to_europes_insurgent_parties7055/.

27. *Gerodimos R., Vertegaal F., Villa M.* Russia is attacking Western liberal democracies. Medium.com. 16 February 2017 // <https://medium.com/@romangerodimos/russia-is-attacking-western-liberal-democracies-4371ff38b407>.

28. *Hamilton C.* Silent Invasion: China's Influence in Australia. Melbourne: Hardie Grant Books, 2018.

29. *Herpen M.* Putin's Propaganda Machine. Lanham: Rowman & Littlefield, 2015.

30. *Jinping Xi.* Full text of Xi Jinping's report at 19th CPC National Congress // China Daily. 04 November 2017 // https://www.chinadaily.com.cn/china/19thcpcnationalcongress/2017-11/04/content_34115212.htm.

31. *Junping Xi.* Xi Jinping's report at the 19th National Congress of the Chinese Communist Party // http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping's_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf.

32. *Kynge J., Hornby L., Anderlini J.* Inside China's Secret 'Magic Weapon' for Worldwide Influence // Financial Times. 26 October 2017 // <https://www.ft.com/content/fb2b3934-b004-11e7-beba-5521c713abf4>.

33. *Lukin A.* China and Russia: The New Rapprochement. New York: Polity, 2018.

34. *Olubukola S. Adesina.* Foreign Policy in an Era of Digital Diplomacy // Cogent Social. 2017. Sciences 3. No. 1.

35. *Pengfei Z.* China Commemorates Confucius with High-Profile Ceremony. CCTV.com English. 25 September 2014 // <http://english.cntv.cn/2014/09/25/ARTI1411604274108319.shtml>.

36. *Perlroth N.* Russian Hackers Who Targeted Clinton Appear to Attack France's Macron // New York Times. 24 April 2017 // <https://www.nytimes.com/2017/04/24/world/europe/macron-russian-hacking.html>.

37. *Peterson R.* Outsourced to China: Confucius Institutes and Soft Power in American Higher Education // Report by the National Association of Scholars. April 2017 // https://www.nas.org/storage/app/media/Reports/Outsourced%20to%20China/NAS_confuciusInstitutes.pdf.

38. Reframing Russia for the Global Mediasphere // <https://reframingrussia.com/>.

---

39. *Rid T.* How Russia Pulled Off the Biggest Election Hack in U.S. History // Esquire. 20 October 2016 // <https://www.esquire.com/news-politics/a49791/russian-dnc-emails-hacked/>.

40. *Shane S., Goel V.* Fake Russian Facebook Accounts Bought \$100,000 in Political Ads // The New York Times. 6 September 2017 // <https://www.nytimes.com/2017/09/06/technology/facebook-russian-political-ads.html>.

41. *Taub A.* D.N.C. Hack Raises a Frightening Question: What's Next? // The New York Times. 30 July 2016 // <https://www.nytimes.com/2016/07/30/world/europe/dnc-hack-russia.html>.

42. *Timothy Thomas.* Russia's Information Warfare Strategy: Can the Nations Cope in the Future Conflicts? // Journal of Slavic Military Studies. 2014. V. 27. No. 1.

43. *Walker C., Ludwig J.* Sharp Power: Rising Authoritarian Influence, National Endowment for Democracy. December 2017 // https://www.wsj.com/public/resources/documents/NEDSharpPowerRisingAuthoritarianInfluenceFullReport122017.pdf?mod=article_inline.

A.A. GUSTYR

*Master of International Relations,
Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO University),
Moscow, Russia*

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND CHINESE SOFT POWER IN THE 2013-2017 PERIOD

The article examines the “sharp” character specific to Russian soft power, which it acquired after 2013, analyses the tools for its implementation, and compares the content, direction and broadcasting channels of Russian soft power with those of China. Based on the analysis, the conclusion is made about the similarity of methods and goals in Russian and Chinese soft power; however, it is noted that the more conventional nature of Chinese soft power reduces its toxicity to local actors and thereby increases its effectiveness and attractiveness.

Key words: *soft power, sharp power, positioning, Russia, China.*